

Знакомый дом тихо стоял в конце тихого квартала, из окон первого этажа наружу лился яркий и теплый свет.

Было совсем темно, уличные фонари, освещавшие дорогу, дополняли царившую вокруг тишину. Приблизившись к дому, Хайди слегка замедлила ход машины, медленно настраивая себя на спокойный лад глубокими вдохами.

Она помогла успокоить Ванну, но знала, что сама не так расслаблена и спокойна, как кажется.

Ей казалось, будто ее прощание с отцом произошло в последний момент, когда она совершенно не знала, что произойдет в городе-государстве, а он, очевидно, знал.

Это было своего рода прощание перед вечной разлукой.

Отец велел мне укрыться в Соборе, а сам отправился в тот антикварный магазин в нижнем районе... Но почему?

В голове Хайди вдруг зародилось сомнение, но она тут же отбросила его — в ее доме горел свет, он ждал ее.

Темно—серый автомобиль плавно въехал во двор. Хайди распахнула входную дверь своего дома и сделала несколько шагов внутрь, после чего остановилась от неожиданности.

Вместо отца, который давно должен был быть дома, ее ждала мать, одетая в шерстяную шаль с темно—синими тонкими полосами. Она покойно сидела на стуле возле обеденного стола в искусных очках и сосредоточенно читала газету, а рядом с ней на столе лежала большая стопка газет, судя по всему, старых, из кабинета ее отца.

Хайди на мгновение застыла в дверях.

Она не могла вспомнить, сколько времени прошло с тех пор, как ее мать последний раз выходила из этой спальни, — казалось, что много лет та мать, которую она помнила, оставалась в этой тускло освещенной спальне. За их семейным столом постоянно оставалось пустое место, которое, по словам отца, предназначалось ей, но на которое никто никогда не садился.

Хайди всегда считала, что это очень странно, но после стольких лет она привыкла к тому, что ее мать не выходит из спальни. Ровно до этого момента... Увидев мать сидящей на этом стуле, у нее возникло какое-то нереальное ощущение, словно она находится в другом мире.

Хайди подсознательно прошла вперед. Звук шагов наконец привлек внимание женщины за столом, она подняла голову и, увидев дочь, тут же улыбнулась.

— А, Хайди, ты вернулась.

— Я... — начала Хайди, на самом деле не понимая, что сказать. Конечно, она заходила к ней в спальню, чтобы поговорить, почти каждый день, но сейчас она чувствовала себя так, будто не видела мать более десяти лет. — Я немного задержалась в Соборе, как у тебя дела?..

— У меня все хорошо, — радостно улыбнулась мать, и в ее глазах появился какой-то непонятный Хайди блеск; она поднялась со стула и медленно подошла к дочери, несколько безучастно поглядела на ее лицо и, протянув руку, коснулась ее волос. — Дай—ка я тебя хорошенько рассмотрю. Давненько я на тебя не смотрела...

— Разве мы не видимся каждый день, — подсознательно сказала Хайди, после чего несколько обеспокоенно посмотрела на маму. — Почему ты вышла из спальни? Тебе стало лучше?

Мать улыбнулась, как бы разговаривая с собой и с дочерью:

— Уже лучше... Кстати, почему твой отец еще не вернулся домой?

— Отец еще не вернулся домой? — В сердце Хайди зародилось смутное беспокойство. — Он должен был уже приехать домой. Ах, он поехал в место, которое находится куда ближе, чем Собор, где была я...

— Возможно, его машина сломалась на полпути, — медленно произнесла ее мать. — Водитель из него так себе. Пойдем, подождем его вместе.

Хайди нерешительно кивнула и последовала за матерью к столу, где заметила роскошное блюдо — это было отнюдь не одно из тех немногих блюд, которые обычно готовила временная прислуга.

— Это ты приготовила? — Хайди удивленно подняла глаза. — Ты давно не готовила.

— Да, я так давно не готовила, что не сразу смогла найти, где лежат ингредиенты. Я попросила о помощи у служанки, поэтому не знаю, понравится ли тебе моя еда, — слабо улыбнулась мать. — К счастью, я все еще помню, как готовить.

Взгляд Хайди упал на еду, она не удержалась и взяла вилку, чтобы попробовать, но услышала резкий возглас матери:

— Подожди, пока твой отец вернется домой, прежде чем приступать к трапезе.

Хайди на мгновение замерла.

Этой фразы она не слышала уже много лет.

И тут возле двери внезапно раздался легкий стук, похожий на хлопанье крыльев какой-то очень большой птицы, перемежающийся легким потрескиванием. И как только Хайди собралась спросить, что это такое, она услышала, как поворачивается дверная ручка, и увидела, что дверь в их дом медленно открывается.

Отец вернулся.

Моррис застыл в дверях: головокружение, вызванное тем, что Ай перенес его из «Затерянного Дома», не прошло. Голова так сильно кружилась от смятения чувств, что секунд десять ему казалось, что у него галлюцинации.

Он увидел жену, которая сидела за столом и ждала, когда он вернется домой к ужину.

Затем он понял, что это не галлюцинации.

«Чудо», о котором он молился подпространству одиннадцать лет назад, наконец-то свершилось по эту сторону занавеса после пересечения пламени и истории — сбылось то, о чем он не смел и мечтать.

Простояв несколько секунд как статуя, Моррис, наконец, сделал шаг вперед, а затем второй и третий, все быстрее и быстрее.

Он отведал плоть «Потомка Глубин» вместе с экипажем на «Затерянном Доме», услышал знания от тени из подпространства, стал членом скрытой обществу... Еще совсем недавно все это тяготило его душу, но внезапно тяжесть этого бремени словно исчезла, и ему показалось, что он увидел в нем одно из самых правдоподобных толкование: «Совершение любого чуда требует определенной цены, и эта цена легла на него самым милостивым образом».

Пришло время принять награду.

Его жена поднялась из-за стола, и Моррис прижался к ней.

— Наконец-то я вижу тебя... — Голос старого ученого был низким, но не слишком, словно он боялся, что Хайди рядом с ним может услышать, а жена перед ним — нет. — Я...

— Ну, что ты? Ребенок смотрит — у вас есть много времени, чтобы объяснить мне, что происходит на самом деле. Не стоит торопиться.

— О... да, ты права, — несколько смущенно ответил Моррис, отпустив жену, и повернул голову к Хайди, которая смотрела на него с удивленным видом.

— Кхм... я поздно вернулся, по дороге... сломалась машина. Завтра мне нужно найти кого-нибудь, кто отбуксирует ее обратно. — Моррис не слишком естественно объяснил свое опоздание, после чего поспешил сменить тему: — У тебя все в порядке? А в Соборе?

— Я цела и невредима, как и все остальные, разве что изрядно напугана и в полном замешательстве, — ответила Хайди, оглядывая отца с головы до ног. — Но ты... почему ты так странно выглядишь? Что-то случилось на обратном пути?

— Что со мной могло случиться? — сразу же возразил Моррис, словно опасаясь, что Хайди на его поездку, и тут же заметил на столе роскошное блюдо.

Выражение лица старого ученого внезапно сделалось сложным.

— Я... уже поел, — нерешительно сказал он, — на корабле... мистера Дункана.

На ум ему тотчас же пришла уродливая и ужасная «рыба».

На подпространственном пиру он нервничал из-за рыбы не меньше, чем странная гончая, но под бдительным оком мистера Дункана он съел плоть «Потомка Глубин». Он не помнил почти ничего из того, что тогда произошло.

Помнил только, что пахло очень вкусно.

Поэтому теперь он не мог съесть ни кусочка.

Но тут со стороны раздался голос жены:

— Я сама это приготовила.

— Мама давно не готовила, — сказала Хайди. — Сегодня ей чуть лучше, так что...

— Тогда я немного поем. — Как только Моррис услышал это, он сразу же сел за стол и, не дожидаясь, пока дочь закончит, взял в руки ложку, зачерпнул ей из тарелки и с жадностью выпил.

— Ну как тебе? — спросила жена с предвкушением.

— Чуть... пересоленный, — нерешительно ответил Моррис, но тут же выпил еще несколько ложек. — Пересоленный, сильно пересоленный... ты всегда так готовишь...

— Не ешь, если тебе не нравится!

— Я не говорил, что это невкусно...

— Тогда ешь молча. Когда это ты стал таким болтуном?

Хайди посмотрела на отца, потом на мать

Она не слышала такого разговора уже много лет — и за эти годы, казалось, ничего не изменилось.

Поэтому она улыбнулась, опустила голову и отправила в рот кусочек мяса.

Он и правда оказался чуть пересоленным.

Дядя уже спал, и спал крепко — похоже, он давно не высыпался, да так, что заснул прямо во время их разговора.

Ванна медленно шла к своей спальне.

Она уже переоделась в домашнее платье и завязала волосы в простой хвост. Сняв покрытые царапинами доспехи и положив огромный меч, вернувшаяся из битвы инквизитор обуздала свою свирепую ауру, словно превратилась в молодую девушку, у которой была своя жизнь, свои симпатии и антипатии, как у обычного человека.

Когда она была дома, то не скрывала своих эмоций и забот, поэтому дядя, очевидно, тоже видел ее озабоченный вид, но ничего не спросил.

Они также молчаливо договорились не поднимать вопрос о «подпространственном благословении».

Очевидно, дядя не хотел усугублять свое бремя.

Но сама Ванна знала, что бремя в ее душе связано не только с так называемым «подпространственным благословением», но и с собственной жизнью и смертью.

Она вернулась в спальню, закрыла дверь, подошла к комоду и достала из ящика кинжал с великолепными украшениями.

Это была святая реликвия Церкви Глубин, а также подарок, который епископ Валентин лично вручил ей после крещения.

Эта святая реликвия символизировала начало ее веры в Богиню Бурь Гэмону.

<http://tl.rulate.ru/book/76198/3703963>